

УДК 81'37(045)

ОБЩИЕ И РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ МЕТАЯЗЫКОВЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

М. С. ГУТОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Уточнена в лексико-фразеологическом контексте природа межъязыковой схожести и специфичности. Предложена применимая как к лексемам, так и к фраземам классификация разноязычных номинативных единиц по сходству vs специфичности с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов формирования обоих признаков. Возможности применения классификации продемонстрированы на примере русского и английского лексико-фразеологических полей метаязыковых (связанных с языком и речью) обозначений. Определено соотношение общего и различительного в рассматриваемых полях (1:1) и в их лексической (1,3:1) и фразеологической (1:1,4) частях. Акцентировано, что полученные данные опровергают сложившееся представление об этноспецифичности фразеологии в целом.

Ключевые слова: лексико-фразеологическое поле; метаязыковые номинативные единицы; межъязыковые сходства; межъязыковые различия; отличия между лексикой и фразеологией в представлении межъязыковых сходств и различий.

Образец цитирования:

Гутовская МС. Общие и различительные черты лексико-фразеологического поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2019;1:92–102.

For citation:

Gutovskaya MS. Similar and distinctive features of the meta-language lexical-phraseological field in the Russian and English languages. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2019;1:92–102. Russian.

Автор:

Марина Степановна Гутовская – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой английского языкознания филологического факультета.

Author:

Marina S. Gutovskaya, PhD (philology), docent; head of the department of English linguistics, faculty of philology.
marina-gutovskaya@yandex.by

АГУЛЬНЫЯ І АДРОЗНЫЯ РЫСЫ ЛЕКСІКА-ФРАЗЕАЛАГІЧНАГА ПОЛЯ МЕТАМОЎНЫХ АБАЗНАЧЭННЯЎ У РУСКАЙ І АНГЛІЙСКОЙ МОВАХ

М. С. ГУТОВСКАЯ^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Удакладнена ў лексіка-фразеалагічным кантэксце прырода міжмоўных падабенства і спецыфічнасці. Прапанавана прыдатная як для лексем, так і для фразем класіфікацыя разнамоўных намінатыўных адзінак паводле падабенства vs спецыфічнасці з улікам моўных, культурных і кагнітыўных фактараў фарміравання абедзвюх прыкмет. Магчымасці прымянення класіфікацыі прадэманстраваны на прыкладзе рускага і англійскага лексіка-фразеалагічнага палёў метамоўных (звязаных з мовай і маўленнем) абазначэнняў. Вызначаны суадносіны агульнага і адрознага ў разгледжаных палях (1:1) і ў іх лексічнай (1,3:1) і фразеалагічнай (1:1,4) частках. Акцэнтавана, што атрыманыя даныя абвяргаюць створанае ўяўленне пра этнаспецыфічнасць фразеалогіі ў цэлым.

Ключавыя словы: лексіка-фразеалагічнае поле; метамоўныя намінатыўныя адзінкі; міжмоўнае падабенства; міжмоўныя адрозненні; адрозненні паміж лексікай і фразеалогіяй у прадстаўленні падабенства і адрозненняў.

SIMILAR AND DISTINCTIVE FEATURES OF THE METALANGUAGE LEXICAL-PHRASEOLOGICAL FIELD IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

M. S. GUTOVSKAYA^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The paper revises the nature of cross-language similarities and differences in the lexical-phraseological context. It proposes a classification of nominative units (lexemes and phrasemes) of different languages by cross-language similarities and differences which takes into account linguistic, cultural and cognitive factors of formation of the two qualities. It demonstrates the possibilities of applying the classification by the example of the Russian and English metalanguage (connected with language and speech) lexical-phraseological fields. It determines the ratio of the similar and specific in the fields considered (1:1) and their lexical (1,3:1) and phraseological (1:1,4) parts. It accentuates that the data obtained disprove the popular opinion about ethno-specificity of phraseology as a whole.

Key words: lexical-phraseological field; metalanguage nominative units; systematization of nominative stocks of different languages in terms of cross-language similarities and differences; distinction between lexemes and phrasemes in presentation of cross-language similarities and differences.

Введение

1. Проблематика, цель исследования. Проблема отношений языка, культуры и сознания, причин межъязыковых сходств и различий занимали умы мыслителей с древних времен. Различные мнения о природе связи между языком, знанием и окружающим миром высказывались еще в Античности. Древнегреческий софист Горгий из Леонтин (V–IV вв. до н. э.) полагал, что мир может быть познан только через язык. Платон, напротив, считал, что мир состоит из вечных идей, а язык лишь старается как можно точнее отразить эти идеи.

Очередной всплеск интереса к этой извечной проблеме инициировал В. фон Гумбольдт. Он первым осознал, что языки различаются не только материальными оболочками, но и отображенными в них способами восприятия и осмысления мира, и считал, что своеобразие языка оказывает детерминирующее воздействие на ментальность пользующегося данным языком этноса [1, с. 80]. Идею лингвистического релятивизма развивали многие ученые. Л. Вайсгербер видел стимулирующую роль языка в формировании духовного мира человека [2] и выстраивал на основе сформулированного В. фон Гумбольдтом принципа этничности языкового содержания теорию языковой картины мира [3, S. 600]. Б. Л. Уорф стремился найти объяснения различиям между ментальностями и культурами индейцев и европейцев

в различиях между их языками [4; 5]. Л. Витгенштейн был убежден в определяющей значимости языка для понимания мира: «Границы моего языка означают границы моего мира» [6, с. 174], – и допускал возможность дезориентирующего влияния заключенной в языке картины мира, которая не во всем соответствует требованиям логики [7, с. 79–84]. Л. С. Выготский экспериментально изучал пути влияния структуры языка на формирование понятий у детей [8].

Благодаря развитию в XIX–XX вв. сравнительно-исторического языкознания, лингвистической типологии, лингвистики универсалий, продемонстрировавших принципиальную сопоставимость разных языков, в фокусе изучения оказались не только индивидуальные, но и общие черты национальных языков, менталитетов и культур. Сопоставительно-типологические исследования словаря сосредоточились на выявлении сходств и различий номинативных систем в разных языках.

Изучение межъязыковых отношений лексики и фразеологии имеет давнюю историю. Однако до сих пор вопросы о сущности и разграничении общего и этноспецифического, об объеме и внутреннем делении разрядов схожих и несхожих в межъязыковом плане обозначений остаются неопределенными. Лексика и фразеология традиционно рассматриваются в лингвистике как отдельные подсистемы. В основе сложившихся в условиях автономного изучения лексических и фразеологических концепций лежат особенности единиц соответствующего класса – лексем или фразем. Насущной сегодня является задача выработки интегрирующего подхода и создания классификаций, адаптированных для обоих классов номинативных единиц. Ощущается недостаток эмпирических (полученных в результате наблюдения и измерения) данных о соотношении в словаре в целом и его лексической и фразеологической частях интернационального (встречающегося в разных языках) и этноспецифического (характерного для конкретного национального языка). Малоизученными остаются принципы системного взаимодействия между лексикой и фразеологией в представлении межъязыковых сходств и различий. Решению названных актуальных проблем посвящена данная статья.

2. Теоретические основы, материал и методы исследования. В работе предлагается приложимая к лексемам и фраземам систематизация разноязычных номинативных единиц по сходству *vs* специфичности с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов формирования схожего и специфичного. Теоретической основой классификации является идея о том, что в языках и, в частности, в их номинативных фондах отражены культурные, когнитивные и языковые феномены – представлены материальная и духовная стороны бытия человека, формы мышления и языковая структура. Естественные языки сочетают в себе универсальные (общечеловеческие), интернациональные (общие для ряда генеалогически, типологически или ареально близких языков) и этноспецифичные (уникальные, присущие отдельному языку) черты. Конкретные культурные, когнитивные и языковые проявления могут быть репрезентированы в разном числе языков и в зависимости от широты представленности в языках делятся на универсальные, интернациональные и этноспецифические.

Например, наличие универсального когнитивного компонента объясняется инвариантностью мыслительных операций и типовых ассоциаций человечества и проявляется в представленности во всех языках архетипических смыслов, формирующих содержание коллективного бессознательного, синонимии, полисемии, метафорических и метонимических моделей переосмысления, способов осмысления абстрактных понятий через конкретные, эмоциональных состояний через физиологические и др. Интернациональный – надэтнический – культурный компонент обусловлен близостью исторического и духовного развития языковых сообществ одного культурного ареала. Присутствующие в европейских языках номинативные единицы, восходящие к греко-римской истории и мифологии, являются наследием античной культуры. Этноспецифичный языковой компонент отражает структурные особенности конкретного национального языка. Примером номинативных единиц с этноязыковой специфичностью могут служить лексемы и фраземы с осложненной собственно языковыми факторами материальной оболочкой – единицы, построенные на основе каламбура, рифмы, на игре синонимов, антонимов и т. п.

В сопоставительном исследовании идентификация межъязыковых сходств и различий осуществляется посредством анализа плана содержания и плана выражения разноязычных номинативных единиц. Соотносимыми признаются номинативные единицы, обладающие общим семантическим инвариантом и характеризующиеся полным или частичным совпадением внутренней формы. К национально специфичным относятся единицы, не схожие по форме и (или) содержанию.

С учетом разграничения языковых, культурных и когнитивных факторов становления общего и различного в национальных лексиконах в межъязыковом аспекте выделяются шесть групп номинативных единиц – три группы схожих: 1) единицы, сходство которых вызвано языковыми причинами (возводимы к общим языковым источникам и отличаются материальной – графической и (или) фонематической – однородностью); 2) единицы, схожесть которых обусловлена присутствием в них общего, наднационального по отношению к привлекаемым к сопоставлению языкам, культурного компонен-

та (являются свидетельством ареальной близости языков и содержат аллюзии к общему культурно-историческому наследию); 3) единицы с когнитивно детерминированным сходством (обнаруживают близость логического и образного мышления, схожесть восприятия сущностей, общих для народов – носителей языка); три группы этноспецифичных: 4) единицы с этноязыковой специфичностью (фиксируют структурные особенности национального языка, обладают осложненной языковыми факторами формой); 5) этнокультурно специфичные единицы (содержат отсылки к своей национальной культуре); 6) этнокогнитивно специфичные единицы (отображают своеобразие восприятия общечеловеческих явлений отдельным языковым коллективом).

Деление разрядов соотносимого и несоотносимого на группы обусловленного причинами языкового, культурного и когнитивного характера ведется с использованием комплекса исследовательских процедур. Графическо-фонематический анализ межъязыковых соответствий дает возможность определить группу материально однородных единиц, возводимых к общему языковому источнику (стимулированное языковыми причинами сходство: *dialog, dialog*). Учет этимологических данных помогает установить группу единиц, связанных с общими культурно-историческими феноменами, наднациональными по отношению к языкам сопоставления (культурно обусловленное сходство: *фурия, fury*). Предметно-логическое и ассоциативно-образное изучение внутренней формы позволяет выделить группу единиц, характеризующихся общностью лежащего в их основе номинативного замысла (когнитивно детерминированное сходство: *источник, source* (букв. ‘источник’) в переносном значении ‘тот, кто сообщает сведения’). Те же три совокупности приемов используются для разграничения трех групп внутри разряда этноспецифичных единиц – группы единиц, объективирующих особенности данного языка и имеющих в других языках отличные по форме соответствия (связанная с языковыми факторами специфичность: рус. *ворчать* и англ. *murmur* со значением ‘говорить сердитым тоном, негромко и неотчетливо, выражая неудовольствие, раздражение’ построены на основе типичных для каждого языка звукосочетаний); группы единиц, связанных со своей национальной культурой (культурно обусловленная специфичность: *петрушка* ‘паясничавший человек’ – от имени персонажа русского народного кукольного театра – и *punch* ‘выразительность речи’ – от имени персонажа английского народного кукольного театра); группы единиц, демонстрирующих своеобразие национального мировосприятия и обладающих специфичной внутренней формой или содержанием (когнитивно детерминированная специфичность: *собака* и *a in a circle* (букв. ‘буква а в круге’) в значении ‘знак адреса в электронной почте’).

Возможности применения классификации демонстрируются на примере русских и английских метаязыковых обозначений. Материалом исследования послужил корпус употребительных лексических и фразеологических метаязыковых обозначений русского и английского языков, отобранный из современных словарей. Общий объем корпуса составил 4600 номинативных единиц, в их числе 1478 лексем и 1029 фразем русского языка, 1243 лексемы и 850 фразем английского языка. Процедура формирования исследовательского корпуса подробно описана в другой работе автора [9, с. 61–62]. За единицу исследования принимается номинативная единица – лексема, фразема.

Результаты и их обсуждение

1. Разнообразие русской и английской метаязыковой лексики и фразеологии по межъязыковому сходству vs различию с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов формирования двух признаков. В русском и английском метаязыковых полях межъязыковые сходства – представлены номинативными единицами, конгруэнтными одновременно в плане содержания и плане выражения, – и различия – воплощены единицами, специфичными в формальном и (или) смысловом отношении, – обуславливают причины языкового, культурного и когнитивного характера. По признакам межъязыковой схожести vs специфичности и с учетом трех порождающих эти свойства факторов в рассматриваемом лексико-фразеологическом материале вычленяются шесть названных выше групп номинативных единиц.

1.1. Единицы, сходство которых связано с языковыми факторами. Детерминированное языковыми причинами сходство разноязычных номинативных единиц связано с их возводимостью к общим, главным образом классическим языковым источникам. Единицы этой группы сохраняют иноязычный облик и характеризуются графической и (или) фонематической и семантической отождествляемостью. К их числу относятся иноязычные транслитерированные наименования и их дериваты: *документ, документировать, документация* (*Online* БТС), *document* ‘документ’, *to document* ‘документировать’, *documentation* ‘документация’ (*Online* FD) – и нетранслитерированные обозначения: примером нетранслитерированных интернационализмов могут служить латинизмы *ibidem* ‘там же’, *verte* ‘смотри на обороте’, *argumentum ad hominem* ‘аргумент к личности’ (*Online* CA; *Online* FD), *pro et contra* ‘(доводы)

за и против' (*Online CA; Online FD*), ставшие принадлежностью книжного стиля многих языков, в том числе русского и английского. Некоторые иноязычные единицы функционируют в книжной речи в не-транслитерированном и транслитерированном вариантах: фр. *façon de parler, façon de parler* 'манера выражаться' (*Online CA*).

1.2. Единицы с культурно обусловленным сходством. Этот тип соотносительности номинативных единиц разных языков обусловлен ареально-культурными факторами. Группа метаязыковых обозначений с культурно обусловленным сходством представлена преимущественно единицами в переносном значении, которые своими образными основами отсылают к общим для ряда ареально близких этносов – надэтническим по отношению к русской и английской народной культуре – культурно-историческим феноменам и имеют схожее переосмысление: лексемы *Вавилон, Babel* ('город, где люди пытались построить башню до небес, но попытка не удалась, так как разгневанный их дерзостью Господь смешал все языки и строители перестали понимать друг друга' → 'смешение языков, неразбериха' (*Online ИС; Online FD*)) связаны с библейской мифологией; фраземы *эзопов язык, aesopian language* ('иносказательная манера изложения греческого баснописца Эзопа' → 'иносказательная речь' (ФСРЯ, с. 331; РАСКС, с. 219)) содержат отсылки к античной истории. Совпадение образного развития таких номинативных единиц определяется этимологическими реминисценциями, стимулируется известной в европейском ареале культурной нагруженностью этимонов (мотивирующих значений).

Понятие национально-культурной отмеченности лексики и фразеологии может интерпретироваться исследователями по-разному. Д. О. Добровольский считает, что культурная релевантность языковых фактов определяется их возводимостью к традиционной народной культуре, главным образом к фольклору, мифам, верованиям [10, с. 258, 272]. Более широко культурную маркированность номинативных единиц трактует В. Г. Гак: «...культурная специфика единицы определяется соотношением ее с элементами материальной или духовной культуры данного общества, его истории, верований, обычаев, природно-географического кадра, в котором живет данный народ» [11, с. 261]. В данной работе принято широкое, по Гаку, понимание этнокультурного компонента номинативных единиц.

1.3. Единицы с когнитивно детерминированным сходством. Параллелизм разноязычных номинативных единиц когнитивно обусловленного типа складывается в силу общности человеческой психики. Единицы этой группы характеризуются близостью лежащего в их основах номинативного замысла. Конгруэнтность их семантики и формы объясняется схожестью мировидения, сложившейся независимо или вследствие иноязычного влияния. Образующие группу единицы являются мотивированными наименованиями. Формально-семантическая соотносимость разноязычных единиц проявляется в схожести логических схем построения прямых обозначений: *словосочетание, word-combination* (букв. 'слов сочетание') со значением 'сочетание двух или нескольких слов, объединенных грамматически и по смыслу' (*Online БТС; Online FD*); *большая буква, big letter* (букв. 'большая буква') 'прописная буква' (ФСРЯ, с. 20; *Online IFD*) – и тождественности моделей переосмысления наименований в переносном значении: *запинаться, stumble* (букв. 'запинаться') 'говорить неуверенно или неуклюже' (*Online ТСС; Online FD*); *бить по больному месту, hit sb where it hurts* (букв. 'бить кого-л. по тому месту, где болит') 'говорить о том, что очень беспокоит кого-л.' (РФИЭС, с. 221; LID, р. 170). Номинативные параллели такого рода возникают в результате калькирования воспринятых в процессе языковых контактов иноязычных номинативных идей или самостоятельного развития в каждом языке вследствие одинакового осмысления феноменов мира.

К группе единиц с когнитивно обусловленным сходством относятся также переносные обозначения, которые характеризуются неполным, частичным совпадением внутренней формы. Такие обозначения имеют общую схему переосмысления – сфера-источник и сфера-цель совпадают. Например, когнитивно близкими являются частично совпадающие по внутренней форме лексемы *acid* (букв. 'кислота') 'саркастичность, злая насмешливость' (*Online FD*) и *едкий* 'язвительный, колкий' (*Online БТС*): в своих прямых значениях английская и русская лексемы относятся к одному феномену – называют химическое соединение и его признак соответственно, переосмысление строится по единой модели: 'вызывающий химическое разрушение' → 'причиняющий нравственную боль'.

1.4. Единицы с этноязыковой специфичностью. Индивидуальность номинативных единиц этого типа связана с фоносемантическим и структурным своеобразием национального языка, с особенностями возникновения и бытования единиц в языке. Группа обозначений с детерминированной языковыми факторами этноспецифичностью включает две различающиеся по объему подгруппы: 1) количественно преобладающие исконные немотивированные обозначения и их производные – единицы, характерные только для данного языка и в других языках имеющие иные, отличные по форме соответствия: *слово* и *word* в значении 'единица языка, служащая для называния отдельного понятия' (*Online БТС*;

Online FD); *вешать (всех) собак* ‘наговаривать, сваливать что-л. на кого-л.’ (ФСРЯ, с. 28), *lay out in lavender* (букв. ‘выложить лавандой’) ‘строго бранить’ (*Online IFD*); 2) немногочисленные обозначения с осложненной языковыми факторами материальной оболочкой: самобытной формой обладают номинативные единицы, построенные на основе каламбура (*кормить завтраками*), типичных для языка звукосочетаний (*тары-бары растабары*), рифмы и ритма (*ни складу ни ладу*), тавтологического повтора (*криком кричать*), на игре синонимов, антонимов (*признаться сказать*) и т. п.

1.5. Этнокультурно специфичные единицы. Этнокультурно специфичными являются номинативные единицы, которые содержат отсылки к традиционной культуре своего народа, связаны с его историей, особенностями быта, социального и политического уклада, своеобразием природно-географической среды.

В группе этнокультурно специфичных единиц выделяются две подгруппы. Первую подгруппу образуют переносные обозначения, отсылающие к своей народной культуре образными основами: *балалайка* ‘русский народный струнный щипковый музыкальный инструмент с корпусом треугольной формы’ → ‘болтливый, никчемный человек’ (*Online БТС*), *punch* ‘персонаж английского народного кукольного театра, хитрый крючконосый горбун, воюющий со своей женой’ → ‘сила, выразительность речи’ (*Online FD*); *Лука Патрикеевна* ‘персонаж русских народных сказок’ → ‘хитрый, льстивый человек’ (ФСРЯ, с. 134), *read sb the riot act* ‘зачитать толпе закон о нарушении общественного порядка (предупредив тем самым о необходимости разойтись)’ → ‘вынести строгое предупреждение’ (LID, p. 286) (фразаема восходит к существовавшему в Британии XIX в. закону об охране общественного порядка, согласно которому нарушающим порядок группам людей *полагалось* зачитывать отрывок из этого закона, и если в течение часа они не расходилась, то их обвиняли в преступлении против государства (*Online CA*)).

Вторую подгруппу составляют наименования, которые соотносятся со своими национально-культурными реалиями актуальными значениями, т. е. называют эти реалии. Номинативные единицы *тыкать* ‘обращаться к кому-л. на «ты»’ (*Online БТС*), *быть с кем-либо на «вы»* ‘находиться с кем-л. в таких отношениях, при которых говорят друг другу «вы»’ (ФСРЯ, с. 40) отражают принятое в русскоязычной коммуникации, но отсутствующее в англоязычной разграничение форм обращения к одному лицу в зависимости от ситуации общения. Номинативные единицы *отчество* ‘наименование по личному имени отца’ (*Online БТС*), *middle name* ‘среднее имя, имя, обычно расположенное между личным именем и фамилией и представляющее собой второе личное имя’ (*Online FD*) называют неидентичные имена собственные, используемые при обращении только в одной из рассматриваемых лингвокультур.

1.6. Этнокогнитивно специфичные единицы. Этнокогнитивно специфичными являются номинативные единицы, объективирующие особенности национального осмысления феноменов мира. В группе этнокогнитивно специфичных обозначений различаются три подгруппы: 1) единицы, характеризующиеся своеобразием номинативных идей, способов представления содержания во внешней форме; 2) единицы, объективирующие особенности концептуализации, членения мира языком; 3) единицы, демонстрирующие самобытность ассоциативно-образной базы языка.

В основе единиц, отличающихся самобытностью номинативного замысла, лежат уникальные – не фиксируемые в языке сопоставления – направления осмысления и образы. Необычными для русскоязычного сознания кажутся номинативные решения таких английских единиц, как *mouth* (букв. ‘рот’) ‘рупор, выразитель чьих-л. идей, настроений’ (*Online БТС*; *Online FD*), *sauce* (букв. ‘соус’) ‘изюминка, прелесть рассказа’ (*Online БТС*; *Online FD*), *mince not words* (букв. ‘не пропускать слова через мясорубку’) ‘не смягчать, говорить прямо’ (LID, p. 392), *bounce ideas off sb* (букв. ‘ударять идеями о кого-л. как мячом о что-л.’) ‘поделиться с кем-л. мыслями или планами, узнать чье-л. мнение, прежде чем принять решение’ (LID, p. 179) и т. п.

Наименования, демонстрирующие особенности языкового членения мира, называют явления, равно представленные в средах существования привлекаемых к сопоставлению языков, но зафиксированные лишь в одном из них и лакунизированные в другом. На фоне русского языка когнитивно безэквивалентными оказываются английские обозначения *ghost* ‘фактический автор, тайно пишущий речи, статьи или книги за известного политика, государственного деятеля и т. п.; «автор-призрак»’ (*Online FD*), *contribution* ‘статья или другая работа, представленная для публикации’ (*Online FD*), *postpone* ‘относить в конец предложения, дальше обычной для какой-либо языковой единицы позиции’ (*Online FD*), *damn sb with faint praise* (букв. ‘проклинать кого-л. слабой похвалой’) ‘хвалить так умеренно (часто обидно-снихождительным тоном или двусмысленно), что похвала оказывается похожей на порицание’ (LID, p. 271; *Online MT*; *Online CA*), *chattering classes* ‘светская и богемная публика, любящая поговорить на актуальные темы во всеуслышание – на радио, телевидении, в прессе’ (LID, p. 62; *Online MT*), *dine out*

on a story about sth (букв. ‘пообедать вне дома историей о чем-л.’) ‘развлекать людей во время приема пищи интересной историей о пережитом’ (LID, p. 86), *mark out the battle lines* (букв. ‘обозначить линии битвы’) ‘уточнить предмет спора и позиции оппонентов, назвать сторонников и противников перед вступлением в дискуссию’ (PDEI, p. 239; *Online CA*), *score points off sb* (букв. ‘набирать очки за чей-л. счет’) ‘поставить кого-л. в глупое, а себя в выигрышное положение, сказав что-л. умное’ (LID, p. 268) и др.

При изучении номинативных фондов разных языков наборы лексически и фразеологически выраженных в них значений обычно не рассматриваются на предмет межъязыковых различий, так как считается, что они в достаточной степени универсальны. Представляется, что сравнение составов значений, передаваемых лексикой и фразеологией национальных языков, позволяет продвинуться вперед в изучении проблемы этноспецифичности и выявить особенности лексико-фразеологической концептуализации единого мира в разных языках.

Обозначения, воплощающие специфичные ассоциативно-образные представления языкового коллектива, характеризуются самобытностью моделей переосмысления. Убедительно иллюстрируют особенности национального образного мышления разноязычные номинативные единицы, схожие по образной основе, но различающиеся по значению. Например, во фразеологии русского и английского языков воплощен образ, связанный с практикой приручения домашних животных, когда животному продевают в нос кольцо и, потягивая за кольцо, заставляют его идти в определенном направлении. Однако вождение за нос в русскоязычном сознании стало ассоциироваться с обманом, а в англоязычном – с доминированием: *водить за нос* ‘вводить в заблуждение’ (ФСРЯ, с. 33), *lead sb by the nose* (букв. ‘водить кого-л. за нос’) ‘всецело подчинить, держать кого-л. в полном подчинении’ (*Online IFD*).

Самобытность ассоциативно-образных баз русского и английского языков демонстрируют и такие номинативные единицы, как *свистеть* ‘вести пустые разговоры; рассказывать небылицы’ (*Online БТС*) и *blow* (букв. ‘свистеть’) ‘хвастаться’ (*Online FD*), *ездить верхом* ‘использовать кого-л. в своих интересах’ (*Online БТС*) и *ride* (букв. ‘ездить верхом’) ‘дразнить, высмеивать’ (*Online FD*), *густой* ‘полнозвучный, низкий (о голосе)’ (*Online БТС*) и *thick* (букв. ‘густой’) ‘неразборчивый (о речи)’ (*Online FD*), *продать* ‘совершить предательство’ (*Online ТСС*) и *sell* (букв. ‘продавать’) ‘популяризировать’ (*Online FD*), *сталкивать лбами* ‘заставлять кого-л. вступить в открытый спор, провоцируя ссору’ (*Online БТС*) и *knock sb’s heads together* (букв. ‘сталкивать кого-л. головами’) ‘решительными мерами примирить спорящих’ (LID, p. 163), *утереть нос* ‘превзойти кого-л. в чем-л.’ (*Online БТС*) и *wipe sb’s nose* (букв. ‘вытереть кому-л. нос’) ‘обманывать кого-л.’ (*Online МТ*), *запереть* ‘поставить кого-л. в безвыходное положение, причинить неприятность’ (*Online ТСС*) и *cut sb dead* (букв. ‘зарезать кого-л.’) ‘не приветствовать кого-л. при встрече, делая вид, что не узнаешь, прекратить общение с кем-л.’ (LID, p. 77; АРФС, с. 259), *высокие слова* ‘возвышенные, полные глубокого содержания слова’ (*Online БТС*) и *high words* (букв. ‘высокие слова’) ‘гневные слова’ (*Online МТ*), *стоять на задних лапках* ‘прислуживаться, угодничать перед кем-л.’ (*Online БТС*) и *be on one’s hind legs* (букв. ‘стоять на задних лапах’) ‘встать для произнесения речи’ (*Online МТ*), *навести глянец* ‘окончательно отделать законченную работу’ (*Online БТС*) и *put a gloss on sth* (букв. ‘навести глянец на что-л.’) ‘приукрасить, представить что-л. в своем рассказе в более привлекательном виде, чем есть на самом деле’ (*Online МТ*) и др.

1.7. Сосуществование в номинативной единице нескольких видов этноспецифичности. Языковой, культурный и когнитивный компоненты могут сосуществовать в этноспецифичной номинативной единице – отдельные единицы оказываются маркированными более чем в одном плане. Английская фраза *quaker(s) meeting* (букв. ‘собрание квакеров’) ‘собрание, на котором мало выступают; компания, в которой разговор не клеится’ (*Online МТ*) является этнокультурно и этнокогнитивно специфичной. У нее культурно отмечены компонентный состав (*quaker* – квакер, член религиозной христианской общины, основанной в Англии в XVII в.) и образная основа (образ фраземы отсылает к традициям общества квакеров: их молитвенные собрания часто проходят в полном молчании). Когнитивно маркирован актуальный план семантики: выражаемое английской фраземой значение отсутствует в семантическом инвентаре русского языка, несмотря на наличие в русскоязычной среде обозначаемой этой фраземой ситуации. Этноспецифичность русского оборота *наводить тень на плетень* ‘намеренно запутывать, делать неясным что-либо, сбивать кого-либо с толку’ обусловлена совместным действием двух факторов: языкового (компоненты фраземы связаны в единое целое рифмой) и культурного (оборот отражает «насмешливое отношение народа к суеверным представлениям о сглазе, порче тенью или способности знахарей и колдунов вызывать плохую погоду магическими манипуляциями» (РФИЭС, с. 689)).

Детерминационная зависимость этнического сознания и культуры отражается во фраземах, имеющих в своем составе компоненты-символы. Символ как совокупность общеизвестной в определенном этническом коллективе культурной информации часто отражает этноспецифическое мировидение и поэтому является сущностью, культурно и ментально маркированной. Например, образ вытянутой руки, закрепленный в номинативных единицах многих языков, может получать различные интерпретации в разных культурах. В зависимости от принятых в том или ином этническом сообществе коммуникативных норм расстояние между двумя коммуникантами, равное длине вытянутой руки, может восприниматься как достаточное для сохранения социального расстояния: *keep sb at arm's length* (букв. 'держать кого-либо на расстоянии вытянутой руки') 'избегать с кем-либо близких отношений' (*Online MT*) (ср. менее конкретную русскую фразу *держатъ кого-л. на почтительном расстоянии* с тем же значением (*Online БТС*)) – и как подходящее для дружеских отношений: в иврите выражение с идентичной английскому фразеологизму образной основой означает 'быть в близких отношениях с кем-либо' [12].

2. Соотношение общего и различного в русском и английском полях метаязыковых обозначений. Количественное распределение материала исследования по выделенным разрядам и группам показано в таблице.

Удельный вес схожего и специфичного в русском и английском полях метаязыковых обозначений с разграничением языковых, культурных и когнитивных факторов становления двух признаков

The proportion of the similar and specific in the Russian and English metalanguage lexical-phraseological fields with the differentiation of linguistic, cultural and cognitive factors of formation of the two qualities

Разряды и группы		Номинативные единицы	
		количество	%
Схожее	Стимулированное языковыми причинами	1188	26
	Культурно обусловленное	51	1
	Когнитивно детерминированное	1042	23
<i>Всего схожих по форме и содержанию единиц</i>		<i>2281</i>	<i>50</i>
Специфичное	Связанное с языковыми факторами	1030	22
	Культурно обусловленное	96	2
	Когнитивно детерминированное	1193	26
<i>Всего специфичных по форме и (или) содержанию единиц</i>		<i>2319</i>	<i>50</i>
Итого		4600	100

Из таблицы видно, что общее и различное в русском и английском метаязыковых полях находятся в соотношении примерно 1:1. Формально-семантические планы полей соотносимы наполовину, фонографические – на четверть. Значительной конвергенции исследуемых полей способствует глобальность европейской цивилизации и информационных процессов: сближение культур, психологии, социальных и материальных условий жизни и фоновых знаний европейских народов, интенсификация языковых контактов на просветительской почве, интеграция наук.

Сравнительная значимость языковых и когнитивных факторов в формировании общего и специфического неодинакова. Становление фонда единиц схожих одновременно по содержанию и внутренней форме, а частично еще и по графическому и (или) фонематическому составу осуществляется по большей части за счет заимствования из общих языковых источников при языковых контактах. Своеобразие словаря национальных языков создается преимущественно благодаря присущей каждому народу самобытности отражения, логического и образного осмысления общих явлений действительности. Культурная составляющая – как надэтническая (общеευропейская), так и этническая – присутствует в сравнительно небольшом количестве номинативных единиц.

3. Отличия между лексикой и фразеологией в том, как в них представлены сходства и различия между двумя языками. В русском и английском полях употребительных метаязыковых обозначений удельный вес схожего и специфичного в лексике и фразеологии различен. В лексических подкорпусах рассматриваемых языков преобладает схожее: 56 % общего, 44 % различного; во фразеологических – специфическое: 59 % различного, 41 % схожего. Соотношение схожего и специфичного в лексических подкорпусах двух языков отражено на рис. 1, во фразеологических подкорпусах – на рис. 2.

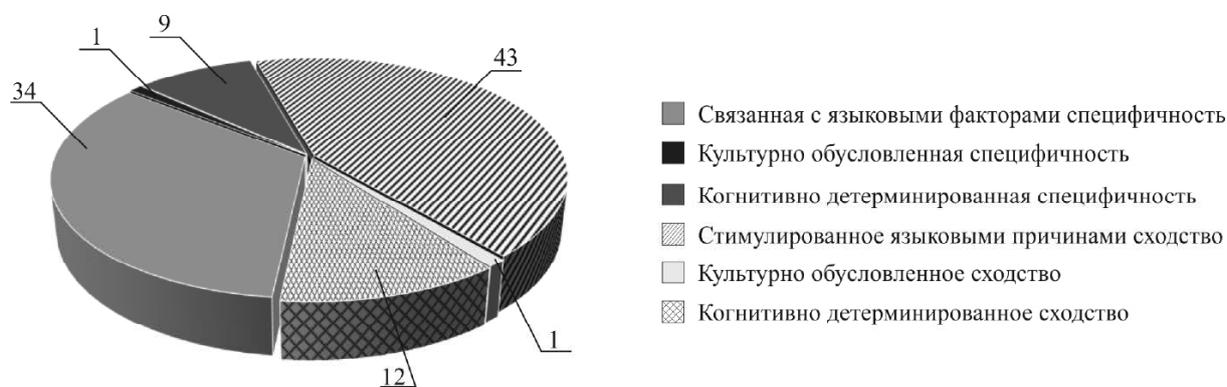

Рис. 1. Соотношение схожего и специфичного в русской и английской метаязыковой лексике с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов формирования двух признаков, %

Fig. 1. The percentage of the similar and specific in the Russian and English metalanguage lexemes with the differentiation of linguistic, cultural and cognitive factors of formation of the two qualities, %

Рис. 2. Соотношение схожего и специфичного в русской и английской метаязыковой фразеологии с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов формирования двух признаков, %

Fig. 2. The percentage of the similar and specific in the Russian and English metalanguage phrasemes with the differentiation of linguistic, cultural and cognitive factors of formation of the two qualities, %

Разным является и статус языкового, культурного и когнитивного факторов формирования схожего и специфического в лексическом и фразеологическом материале. Языковой фактор оказывается на первом месте в разрядах как схожего, так и специфического в лексике, на последнем – во фразеологии. Низкая представленность в исследуемой фразеологии группы стимулированных языковыми причинами сходств (1 % иноязычных единиц во фразеологическом материале vs 43 % в лексическом) объясняется малочисленностью иноязычных фразем в сравнении с иноязычными лексемами. Низкая продуктивность во фразеологии группы связанных с этноязыковыми факторами различий (4 % отражающих структурные особенности языка преимущественно немотивированных единиц во фразеологическом корпусе vs 34 % в лексическом) обусловлена главным образом нетипичностью для фразеологии немотивированных единиц. Когнитивный фактор занимает первое место в разрядах и схожего, и специфического во фразеологии, второе – в лексике. Сравнительно высокая репрезентация во фразеологии групп когнитивно обусловленных сходств (38 % во фразеологическом материале vs 12 % в лексическом) и различий (51 % во фразеологическом корпусе vs 9 % в лексическом) вызвана бóльшим удельным весом в ней мотивированных единиц. Проявление культурного фактора во фразеологии значительнее, чем в лексике. Относительно высокая представленность во фразеологии групп культурно обусловленных сходств (2 % единиц с общеевропейским культурным компонентом во фразеологическом материале vs 1 % в лексическом) и различий (4 % единиц с этнокультурным компонентом во фразеологическом корпусе vs 1 % в лексическом) связана с неоднословностью фразем и вследствие этого их большей по сравнению с лексемами семантической «емкостью»: фразеосочетание способно вместить в себя больше сем, в том числе и культурно обусловленных, чем слово.

Заклучение

В русском и английском метаязыковых полях удельный вес схожего и специфического в лексике и фразеологии различен: в лексике в 1,3 раза больше схожего (56 % общего, 44 % различительного), во фразеологии в 1,4 раза больше специфического (59 % различительного, 41 % общего). Полученные данные говорят о большей доли этноспецифического во фразеологии в сравнении с лексикой, однако опровергают весьма распространенное в лингвистике представление о национальной окрашенности фразеологического фонда в целом, показывая, что соотносимые в межъязыковом аспекте фраземы занимают значительное место.

Сокращения

АРФС – Англо-русский фразеологический словарь / сост. А. В. Кунин. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956; **РАСКС** – Уолли И. А., Берков В. П. Русско-английский словарь крылатых слов. М. : Русский язык, 1984; **РФИЭС** – Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. М. : Астрель : АСТ : Льюкс, 2005; **ФСРЯ** – Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов. М. : Медиа : Дрофа, 2007; **LID** – Longman Idioms Dictionary. Harlow : Pearson Educ. Ltd, 1998; **PDEI** – Gulland D. M., Hinds-Howell D. Penguin Dictionary of English Idioms. London : Penguin Books Ltd, 2002; **Online БТС** – Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения: 22.11.2018); **Online ИС** – Исторический словарь на Slovariki 2.0. Знание – сила [Электронный ресурс]. URL: <http://slovariki.org/istoriceskij-slovar> (дата обращения: 22.11.2018); **Online СА** – Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 22.11.2018); **Online ТСС** – Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / сост. Т. Ф. Ефремова. URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 22.11.2018); **Online FD** – The Free Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.thefreedictionary.com> (date of access: 22.11.2018); **Online IFD** – Idioms by The Free Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://idioms.thefreedictionary.com> (date of access: 22.11.2018); **Online MT** – Multitran [Electronic resource]. URL: <http://www.multitran.com> (date of access: 22.11.2018).

Библиографические ссылки

1. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. В: Гумбольдт В. *Избранные труды по языкознанию*. Москва: Прогресс; 2000. с. 37–298.
2. Вайсгербер ЙЛ. *Родной язык и формирование духа*. Москва: Librokom; 2009.
3. Weisgerber JL. Sprache. In: Weisgerber JL. *Handbuch der Soziologie*. Stuttgart: Enke; 1931. S. 592–608.
4. Whorf BL. The relation of habitual thought and behavior to language. In: Whorf BL. *Language, thought, and reality. Selected writings*. Cambridge: MIT Press; 1956. p. 134–159.
5. Whorf BL. Science and linguistics. In: Whorf BL. *Language, thought, and reality. Selected writings*. Cambridge: MIT Press; 1956. p. 207–219.
6. Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат = Tractatus logico-philosophicus*. Москва: Канон; 2017.
7. Витгенштейн Л. *Философские исследования*. Москва: АСТ; 2011. Совместное издание с «Астрель».
8. Выготский ЛС. Исследование развития научных понятий в детском возрасте. В: Выготский ЛС. *Мышление и речь*. Санкт-Петербург: Питер Пресс; 2017. с. 221–351.
9. Гутовская МС. Грамматическая структура лексико-фразеологического поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2017;2:58–71.
10. Баранов АН, Добровольский ДО. *Аспекты теории фразеологии*. Москва: Знак; 2008.
11. Гак ВГ. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов. В: Телия ВН, редактор. *Фразеология в контексте культуры*. Москва: Языки русской культуры; 1999. с. 260–265.
12. Keysar B, Bly BM. Swimming against the current: Do idioms reflect conceptual structure? *Journal of Pragmatics*. 1999;31: 1559–1578.

References

1. Humboldt W. [On language: the diversity of human language-structure and its influence on the mental development of mankind]. In: Humboldt W. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected writings on linguistics]. Moscow: Progress; 2000. p. 37–298. Russian.
2. Weisgerber JL. *Rodnoi yazyk i formirovanie dukha* [Native language and the formation of the spirit]. Moscow: Librokom; 2009. Russian.
3. Weisgerber JL. Language. In: Weisgerber JL. *Handbuch der Soziologie* [Handbook of sociology]. Stuttgart: Enke; 1931. p. 592–608. German.
4. Whorf BL. The relation of habitual thought and behavior to language. In: Whorf BL. *Language, thought, and reality. Selected writings*. Cambridge: MIT Press; 1956. p. 134–159.
5. Whorf BL. Science and linguistics. In: Whorf BL. *Language, thought, and reality. Selected writings*. Cambridge: MIT Press; 1956. p. 207–219.
6. Wittgenstein L. *Logiko-filosofskii traktat = Tractatus logico-philosophicus* [Tractatus logico-philosophicus]. Moscow: Kanon; 2017. Russian.

7. Wittgenstein L. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical investigations]. Moscow: AST; 2011. Co-published by the «Astrel'». Russian.
8. Vygotskij LS. [The development of scientific concepts in childhood]. In: Vygotskij LS. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. Saint Petersburg: Peter Press; 2017. p. 221–351. Russian.
9. Gutovskaya MS. Grammatical structure of the metalanguage lexical-phraseological field in the Russian and English languages. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2017;2:58–71. Russian.
10. Baranov AN, Dobrovol'skij DO. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow: Znak; 2008. Russian.
11. Gak VG. [Ethno-cultural specificity of meronymic phraseological units]. In: Teliya VN, editor. *Frazeologiya v kontekste kul'tury*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 1999. p. 260–265. Russian.
12. Keysar B, Bly BM. Swimming against the current: Do idioms reflect conceptual structure? *Journal of Pragmatics*. 1999;31:1559–1578.

Статья поступила в редакцию 28.11.2018.
Received by editorial board 28.11.2018.